

УДК 070

М.В. Нисова

Томский государственный университет

ПЕРВЫЕ ОЧЕРКИ В.В. КУРИЦЫНА В «СИБИРСКОМ НАБЛЮДАТЕЛЕ»: ОСОБЕННОСТИ СЮЖЕТА И ОРГАНИЗАЦИИ ТЕКСТА

Публикация очерков в томском журнале «Сибирский наблюдатель» – это начало творческого пути публициста В.В. Курицына. Целью статьи является выявление особенностей сюжета и организации текста первых очерков. Для этого автор выявляет их сюжетные ходы, определяет методы и приемы В.В. Курицына, помогающие ему донести до читателя главные идеи очерков. Основные методы исследования – культурно-исторический и структурный.

Ключевые слова: В.В. Курицын, сюжет, Сибирский наблюдатель, очерк, Томск.

The publication of essays in the Tomsk magazine "Siberian observer" - this is the beginning of the creative ways of publicist V.V. Kuritsyn. The aim of the article is to identify the characteristics of the plot and the organization of the text of the first essays. To this end, the author reveals their plot moves, determines the methods and techniques of V.V. Kuritsyn help him to convey to the reader the main ideas of essays. Basic research methods are a cultural-historical and structural.

Keywords: V.V. Kuritsyn plot, Siberian observer, essay, Tomsk.

Творчество Валентина Владимировича Курицына, томского литератора начала XX века, не было по достоинству оценено современниками. Несмотря на то, что он был участником многих периодических изданий Томска, писал очерки и сатирические стихи, он остался в памяти потомков только как автор «бульварных» и «пошлых» (по мнению сибирских писателей-реалистов) романов – «Томские трущобы», «Человек в маске» и др., которые он публиковал под псевдонимом «Не-Крестовский». Однако время показало, что именно эти романы остались востребованными читателями, в то время как творчество многих сибиряков начала XX века известно только отдельным литературоведам.

Тем не менее, и В.В. Курицын может быть отнесен к писателям забытым и малоизученным. Его жизненный и творческий путь, особенности его произведений не изучались системно и комплексно, существуют лишь некоторые разрозненные статьи [1, 2].

Целью настоящей статьи является выявление особенностей сюжета и организации текста первых очерков В.В. Курицына, которые были опубликованы в томском журнале «Сибирский наблюдатель». Для этого необходимо было выявить первые публикации, принадлежащие писателю, выявить их сюжетные ходы, определить методы и приемы В.В. Курицына, помогающие ему донести до читателя главные идеи очерков. Основной метод исследования – культурно-исторический и структурный.

Прежде чем перейти к анализу произведений В.В. Курицына, необходимо несколько слов сказать о журнале, в котором он начал свою литературную деятельность. «Сибирский наблюдатель» - томский

журнал, который издавался с 1899 по 1905 гг. под руководством бывшего ссыльного В.А. Долгорукова [см. о нем подробнее: 3]. На страницах «Сибирского наблюдателя» публиковались описания дорог и городов, стихи и проза, публицистика, мемуары. Журнал был в основном рассчитан на читателя, путешествующего по Сибирской железной дороге. После Первой русской революции журнал сменил название на «Сибирские отголоски», а затем был трансформирован в газету с тем же названием. В «Сибирских отголосках» Курицын и публиковал свои скандально известные «Томские трущобы» и последующие романы вплоть до смены состава редакции и изменения общей концепции издания.

Первые очерки В.В. Курицына появились на страницах «Сибирского наблюдателя» еще в 1902 году. Это следующие произведения:

«Подлость» (1902. № 1)

«Стихотворение в прозе» (1904. № 4)

«Катя. Рассказ из приисковой жизни» (1904. № 7-8)

«Невозвратное. Из «Альбома силуэтов» (1904. № 11-12).

«Богатые знаки. Рассказ из приисковой жизни» (1905. № 10)

«В гостях у "летучки". Рассказ из приисковой жизни» (1906. № 1).

Все произведения были подписаны настоящей фамилией автора.

Действия четырех из вышеперечисленных очерков происходят на золотых приисках, и выбор именно этого места действия неслучаен. Дело в том, что В.В. Курицын, уроженец Барнаула, после окончания Барнаульского горного училища около трех лет работал на частных золотых приисках. Однако проблемы со здоровьем не позволили ему долго заниматься этой работой, и с 1901 года он перешел на в Томке, в управление Сибирской железной дороги [см.: 1]. Начиная литературную деятельность, Курицын естественным образом обратился к той сфере, которую хорошо знал – к золотопромышленности.

Сюжет в работе в статье будет определен как «отражение динамики действительности в форме разворачивающегося в произведении действия, в форме внутренне-связанных (причинно-временной связью) поступков персонажей, событий, образующих известное единство, составляющих некоторое законченное целое» [4]. Следует понимать, что сюжет подразумевает наличие не только внешних, но внутренних конфликтов, взаимосвязей, событий. Первые очерки В.В. Курицына в «Сибирском наблюдателе» имели особенности сюжета и организации текста, часть из которых была обусловлена требованиями периодической печати.

Прежде всего, очерки обращают на себя внимание своей тональностью: в них нередко преобладает настроение безысходности, трагичности. Тоска по прошлому, настоящему, будущему охватывает героев практически в каждом произведении В.В. Курицына.

Особенно ярко это отражено в очерке «Невозвратное»: на вечерней прогулке герой встречает девушку, которая

напоминает о несостоявшейся первой любви. Вместе они проводят ночь, а затем расстаются навсегда.

Герой «Невозвратного» сокрушается: «Больше он никогда не увидит ее. К чему весь этот самообман! – слабо шептал ему разум, а сердце его, никогда не знавшее счастья разделенной любви, рвалось остаться здесь, около нее». Описывая обстановку наступающего утра, в литературе традиционно знаменующего пробуждение новых надежд и победу над темными силами, автор идет против читательских ожиданий: «Ночь уходила... и казалось, что сюда, в эту комнату, вместе с тусклым светом раннего утра, вместе со звуками пробуждающегося города – тихо и незаметно вползает тяжелый, гнетущий кошмар бессмысленно жестокой жизни...» («Сибирский наблюдатель». 1904. № 11-12).

Любовные перипетии в описании молодого литератора непременно содержат в себе предательство, подлость или неразрешимый конфликт, в очерках «Подлость», «Катя», «Невозвратное» из «Альбома силуэтов», «В гостях у "летучки"» нет счастливых пар. Как правило, девушки в них подвластны сиюминутным слабостям, но они благородны в своем терпении, сдерживают эмоции. Мужчины же эмоциональны, напористы, безрассудны.

Сравним реакцию двух героев. Шестнадцатилетняя беременная сирота Маничка («Подлость»), потерявшая надежду на счастье, «тупо, равнодушно выслушала это объяснение и не сказала ни слова упрека. Она уже примирилась со своим положением и не ждала от будущего ничего хорошего» (1902. № 1). Николай же («В гостях у летучки») в ситуации отказа, прозвучавшего из уст любимой девушки, поступает иначе. Он рассказывает товарищам: «зло меня взяло, да и хмель в голове шумел... "Так ты кочевряжиться еще вздумала, голубушка? Нет, погоди: я из тебя дурь-то выбью!..." Да как хвачу ее, сердешную, на-отмашь!.. Хотя бы вскрикнула: побледнела с лица, краше в гроб кладут... Слезы так и закапали» (1906. № 1).

Любовь в очерках предстает как неразделенная, невзаимная. Так, Маничка, страдающая от неразделенной любви к Ивану, обращается за помощью к приисковому фельдшеру Григорию Осиповичу Комарину. Он, в свою очередь, под предлогом лечения заводит с ней «интрижку», которую «вовремя обрывает», а после – страдает (1902. № 1).

В очерке «Катя» героиню выдают замуж за нелюбимого человека. В отчаянии она приходит к хорошему знакомому Петру Камневу, который пользуется ее состоянием, а наутро выгоняет ее из своего дома. Эти обстоятельства приводят к самоубийству героини.

Безымянный герой из «Невозвратного» и Николай из «В гостях у летучки» также остаются несчастливы в невозможности вернуть первую любовь.

Автор фактически не оставляет места для читательского домысла. Портреты внешности и внутреннего мира героев написаны четкими штрихами, из лаконичного описания становится ясна роль персонажа, что от него ожидать. Вот одно из характерных описаний героя, Григория Осиповича Комарина («Подлость»): «невзрачный, некрасивый из себя человек, с низко подстриженными волосами и в очках <...> В приисковом обществе Комарин давно заслужил эпитет пьяницы и потерянного человека, но, тем не менее, был принят и в семейных домах, так как держал себя, в особенности при дамах, безусловно, прилично: мужчины же любили его за остроумную находчивость и умение рассказывать

скабрезные анекдоты» (1902. № 1).

Внутренние переживания и чувства героев не скрыты от читателя: «Комарин молчал. Странное чувство самоудовлетворения наполнило его сердце, точно ему было приятно видеть чужое унижение и горе, и о почти со злобой смотрел на русую растрепавшуюся косу девушки, на ее нежную, белую шейку, выступавшую из под воротничка платья» (1902. № 1).

Такая же внешняя простота прослеживается в философии героев, их базовых потребностях. Тем не менее, читательский интерес подогревается интригой дальнейшего развития событий, а также наличием конфликта, хитрости, шуток. Например, Комарин рассуждает: «А славная девочка, свеженькая... Так: буду давать ей для виду лавровишневых капель, по шести на прием... что она, дура, понимает! Но, в общем, надо держать ухо востро и успеть вовремя оборвать интрижку» (1902. № 1).

Герои очерка «Богатые знаки», Григорий Николаевич Мальшаков, Константин Николаевич Колчин, Стойлов и Андрей Каргаполов, не нашедшие хорошего места для добычи золота, решают подшутить над Хошанским:

«– Знаете что, Константин Николаевич, давайте подшутим над этим фруктом... У меня кстати с собой образец богатой руды с Богом дарованного рудника. Спустим его в ступку, пусть получится богатая проба. Наверное, Хошанский сейчас же бросится заявлять по нашим следам, – тихо сказал Мальшаков Колчину, когда тот вышел к нему» (1905. № 10).

Все вышло так, как задумали герои, и в завершении читатель вместе с ними «громко хохочет».

Автор мастерски удерживает читательское внимание при помощи сокрытия от читателя ключевой информации. В «Стихотворении в прозе» герою перед сном является образ некой неизвестной девушки, ее имя открывается лишь в последнем абзаце.

Сначала читатель пытается вместе с героем по описаниям попытаться догадаться, кто это: «Я, о которой ты когда-то так долго и много думал и которую забыл теперь <...> Я была молода и чиста... Мне так хотелось жить!.. Жизнь манила меня своими радостями, но люди не признали за мной права на жизнь... И я умерла...»

Сделавшись жертвой людского насилия, – лишившись жизни, – я сделалась жертвой и людского злословия. Целый ряд тяжелых, незаслуженных, позорных обвинений проводил меня в могилу, и после моей смерти люди стали говорить, что в мире я была лишней, бесполезной, – существом, недостойным лучшей участи, как смерть...» (1904. № 4).

И только в завершении читатель узнает «бедное опозоренное имя – Правда!».

В «Невозвратном» главное действующее лицо долго остается невыявленным: описывается город, обстановка, и лишь затем автор переходит к характеристике героя. При этом описания персонажей не составляют простора читательскому домысливанию: «По слишком свободным манерам мужчин, по таинственному полупшепоту, которым по временам прерывался их разговор, а главное по какому-то особенному плотоядному блеску их глаз, он понял, что это были за женщины» (1904. № 11-12).

Автор оставляет вопросы без ответов, заставляет читателя задуматься, ждать: «Какая молчаливая, тайная драма скрывается в ее маленьком сердечке?...» (1904. № 11-12).

Как правило, у героев отсутствуют тенденции к покаянию, признанию своей греховности. Исключение –

Григорий Осипович Комарин, которому «стало вдруг неловко»: «Жаль, жаль девчонку, бормотал он, – выходя на крыльцо, – скверно мы с Алешкой сделали, скверно... и легче бы мне было, если бы она мне в рожу тогда наплевала за мою подлость... а то, ведь, хоть бы слово!

И ему становится невыразимо грустно, грустно до слез, а в ушах все звучали Маничкины слова: «сирота, ведь, я круглая, – что я стану тогда делать, – куда пойду?»» (1902. № 1).

Он пытается наставить Ивана, донести: «Она – славная и честная девушка. Она отдалась тебе, а тебе она не нужна. Да. Таким самодовольным, сытым болванам всегда улыбается счастье. Женщины для них. Разве они... разве ты способен оценить эту любовь, святую, самоотверженную? Ведь вы плюете на нее. Топчете ее в грязь! А есть другие, обиженные, для которых не доступна женская душа. Они могут брать только тело. Продажное тело. Тяжело брать, это и горько, ох, как горько!» (1902. № 1).

Но Иван не задумывается о подлости своего поступка: «Удалось с рук сбыть лишнюю заботу» (1902. № 1).

Таким образом, проведенный анализ первых очерков В.В. Курицына позволяет сделать несколько выводов.

На литературном поприще молодой автор впервые выступил, осмысляя хорошо знакомую для себя тему – быт и нравы людей, работающих на золотых приисках. Однако его интересует не производственный процесс, а духовная жизнь, взаимоотношения мужчин и женщин, любовные коллизии. Он тяготеет к описанию трагических ситуаций, любовных неудач, что отражается даже в заголовках: «Подлость», «Невозвратное» и др. Мир В.В. Курицына – мужской мир, в котором женщины несчастны, они страдают, их унижают, но они покорны и безгласны. Однако и мужчины здесь не достигают счастья и довольства, всюду царит обман, насилие, разочарование.

Жанр очерков, выбранный В.В. Курицыным, позволил автору чувствовать себя относительно свободным в творческом воплощении своих замыслов. В очерках переплетаются документальное и художественное, однако для Курицына характерна не ярко выраженная авторская позиция, а стремление к позиции стороннего наблюдателя.

Сюжетные ходы В.В. Курицына нельзя назвать ориги-

нальными и самобытными, они характерны для массовой литературы начала XX века. Однако этнографическая составляющая произведений, погружение читателя в атмосферу золотых приисков, манящих обывателя своей неизвестностью, сыграла роль «приманки» для читательской аудитории журнала «Сибирский наблюдатель».

Некоторые из вышеперечисленных особенностей первых очерков В.В. Курицына можно встретить в его романах, и это позволяет сделать вывод о том, что первые очерки литератора стали его «творческой лабораторией», в которой он апробировал будущие ходы и повествовательные приемы. Вследствие этого возникает необходимость более глубокого и комплексного исследования всего творческого наследия писателя. А это в конечном итоге может прояснить вопрос о том, каким образом «второсортная» массовая литература оказалась востребованной у читателя и выдержала проверку временем.

Литература

1. Зильберман Ю.Я. Памяти поэта и писателя В.В. Курицына (Не-Крестовского) (В 100-летию со дня смерти) // Отчет клуба краеведов «Старый Томск за 2011 год. Томск, 2012. – С. 14-19.
2. Масленников В. Кто выдумал «Томские трупы» // Рабочая трибуна. Томск, 1991. 13 февраля.
3. Жилиякова Н.В. Издательская деятельность В.А. Долгорукова // Всеволод Алесеевич Долгоруков: сб. материалов. / Сост.: В.М. Костин, А.В. Яковенко, ред. С.С. Быкова: ТОУНБ им. Пушкина. Томск: ТОУНБ им. Пушкина, 2013. – С. 8-24.
4. Зунделович Я. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под редакцией Н.Бродского, А. Лаврецкого, Э.Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. — М.; Л.: Изд-во Л.Д. Френкель, 1925.

УДК 070

Е.С. Поданева

Томский государственный университет

ОСОБЕННОСТИ И ТЕНДЕНЦИИ ТЕКСТОВОГО ДИСКУРСА СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КИНОКРИТИКИ

Статья обобщает опыт теоретического описания кинокритики. Формулирует методы и принципы анализа фильмов. Представляет исследование критических текстов современных СМК и выводит актуальные особенности и тенденции текстовой кинокритики.

Ключевые слова: кинокритика, текст, методы и принципы, особенности и тенденции.

This article generalizes the experience how the theory describes film criticism. It formulates methods and principles of the movie's analysis. It represents the research of critical texts of modern mass media and names actual features and tendencies of text film criticism.

Keywords: film criticism, text, methods and principles, features, tendencies.

В сложные исторические периоды кинематограф в числе других видов искусства отражает в художественно-иносказательной форме реакцию людей на происходящие вокруг события, поиски моральной опоры. Кинокритика, поясняя фильм, переводит язык метафор на язык социальной действительности. Также она, фиксируя текущие тенденции и заметные имена кинематографа, опосредованно влияет на развитие киноискусства. Все это определяет актуальность и значимость изучения критического контента современного коммуникативного